

Глава IV. Критика и идеал молитвы в философской мысли

Именно в области примитивных форм религиозного богослужения негативная критика религии находит для себя материал. Философская мысль, будь она в своей направленности метафизической или антиметафизической, этической или теоретической, идеалистической или материалистической, теистической или деистической, пантеистической или атеистической, всегда находится во внутренней оппозиции простодушной набожности первобытного человека. Этот природный эвдемонизм, столь же характерный для первобытной религии, как и антропоморфический реализм, доминирующий в дикарской идее Бога, вызывает философскую критику внутренней нищетой.

Такой критицизм, по правде, никогда не заходит так далеко, чтобы полностью отрицать религию. Только стойкий материализм и позитивизм, как правило, отвергают все формы религии как заблуждение и обман, хотя они обычно пытаются поддержать такой образ любопытной психологической трактовкой в духе софистов, Юма и Фейербаха. С другой стороны, у идеалистической философии, будь её идеализм метафизическим, эпистемологическим или этическим, несмотря на все противоположные догматы, есть что-то общее с религией, даже в её примитивной форме веры в мир сверхчувственного за миром внешним, мир высшей добродетели над миром повседневных интересов.

Именно это двоякое отношение, частично отрицающее и частично одобряющее религию, побуждает идеалистическую философию пытаться трансформировать эмпирическую религию в идеальную религию. Философская мысль пытается сделать этической и рациональной традиционную, культовую религию, исключая эвдемонизм из набожности, очищая представление о Боге от всех антропоморфных черт и заменяя акты установленного поклонения реализацией моральных ценностей в индивидуальной и социальной жизни. Эта этическая, рациональная, идеальная религия не наивная религия, но религия реформированная, рождённая разумным критицизмом наивной набожности; не чистая религия, а философская религия, в кантианском изречении, «религия в границах чистой причины». Связь этой философской религии с жизненной религией теперь тесная, теперь широкая. Почитание Конфуция из-за религиозной традиции и сила приспособления к народной религии, продемонстрированная стоицизмом, являет контраст с бескомпромиссным отрицанием наивной набожности Ксенофаном и Фихте. Как отличается теплота к религии и впечатлительность к предсказаниям Сократа от абстрактного и сухого идеала религии, провозглашённого Сенекой или Кантом! Но у всех этих мыслителей общим является то, что вместо существующей религии они соорудили идеальную религию, которую они считают истинной, чистой, подлинной и действенной во всей Вселенной.

Природный эвдемонизм и могущественный реализм примитивной религии нигде не прослеживается так ясно, как в жертвоприношении и молитве. По этой причине философский критицизм религии склонен быть направлен против примитивной молитвы и жертвоприношений. Молитва представляла серьёзную проблему даже для античной философии. Нужно ли молиться и кому – это обсуждалось со времён Ксенофана, но так и не было установлено. Вопрос философской реабилитации молитвы занимал греческих духовников, также как пифагорейцев и псалмистов. Даже философией Просвещения и Кантом уделялось внимание молитве. До сих пор философский критицизм почти никогда не заканчивается радикальным отрицанием молитвы в целом, скорее, он даёт начало

позитивному идеалу молитвы. Стандарт молитвы устанавливается исходя из точки зрения этических ценностей и метафизической теории знания. Истинная и совершенная молитва философов контрастирует с примитивной и спонтанной молитвой, также как и с предписанным ритуалом поклонением людей и их священников. По словам Гиерокла, мудрый человек – «единственный священник, возлюбленный Богом, единственный, кто знает, как молиться».

Содержание философской молитвы

Первобытный человек молится о жизни и здоровье, о пище, солнечном свете и дожде, о владениях и множестве детей, о почёте и репутации, о победе и умерщвлении его врагов. Этот здравый, сильный эвдемонизм клеймится философами как нерелигиозный и аморальный. Фон Гартман говорит: «С точки зрения высшего религиозного сознания эвдемонистические цели обычной религии должны казаться нерелигиозными». Глубоко этическому характеру молитва кажется слабостью. Сенека описывает её как «утешение слабой души». «Зачем тебе нужна молитва? Твори своё счастье сам!»

Кажется, что для человека мелочно, отталкивающе и недостойно не смиряться с судьбой, а непокорно молиться ради удовлетворения сиюминутных желаний и потребностей. По мнению Канта, «проверять с помощью непрерывной назойливости молитвы, не отклонится ли Бог от замысла Его мудрости дабы снабдить нас преходящими выгодами – это одновременно абсурд и дерзкий самообман». Приятные вещи, ради которых молится обычный человек – не настоящие ценности. Циник Диоген упрекал простой народ, молящийся богам не искренне, но ради кажущихся благ. Сократ объяснял, что тот, кто молится о золоте, серебре, могуществе и тому подобном, поступал так же, как если бы молился о победе в игре в кости, или в битве, в чём ещё угодно, где результат не определён.

Молитва о преходящих земных благах расценивается философом, тянущимся к духовному идеалу, как недостойная. Только ради неизменных нравственных ценностей следует молиться человеку. Философский идеал ограничивает объекты молитвы кругом моральных и духовных ценностей. Никто не преподносил это нравственное Евангелие с таким энтузиазмом, как стоик Эпиктет. «Просите у богов», - говорит он, - «не того, чего вы желаете, но того, чтобы быть свободным от всех желаний. Боги услышат вас, когда вы молитесь не о том, что приятно, но о том, хорошо в нравственном отношении. И они ниспошлют вам то, что хорошо нравственно, если вы находите радость не в наслаждении, а в добродетели. Не забывайте молить Великих о том, что велико, дабы не послали они вам того, что незначительно. Нет ничего более великого и возвышенного, чем Бог; по этой причине, когда вы молитесь богам, молитесь о том, что богоподобно и не запятнано земными страстями». Клемент Александрийский в своей «Стромате» похоже говорит о христианском гностике: «Он молится о том, чтобы дались ему и сохранились в нём подлинно добрые блага, принадлежащие душе».

Философы молятся прежде всего за претворение моральных ценностей в жизнь человека. Ксенофан просит о «силе, чтобы совершать добродетельные дела». Аполлоний Тианский молится о «свободе от имущества и от нужды». Эпиктет утверждает, что следует просить об «уравновешенности души». Максим Тирский называет предметами молитвы «целомудренную душу, спокойную жизнь, безупречный путь, смерть в надежде – чудесные

дары, пожалованные богами». Климент Александрийский пишет: «Истинный гностик молится о развитии и сохранении духовного озарения точно так же, как и обычный человек молится о сохранении здоровья». Сенека убеждает: «Просите о здоровом духе, о здоровом теле». Ювенал произносит в десятой сатире истинно стоическое правило молитвы: «Молиться следует о здоровом разуме в здоровом теле; об отважном сердце, в котором нет страха смерти и которое считает продолжительность дней наименьшим из даров Природы; которое может вынести любой, самый тяжёлый труд, которое не знает ни гнева, ни страсти».

Тем не менее, этические идеалы, которые с философской точки зрения являются единственными предметами молитвы, не ограничиваются жизнью одного человека, но охватывают жизни всех людей. Пифагор желает, чтобы мудрый человек «молился о глупцах, чтобы эти люди получили благое, потому что эти люди не знают, что такое настоящее благо». В молитвах Вольтера высказывается всемирный, гуманистический идеал французского просвещения: «Ты дал нам сердце не для того, чтобы мы могли ненавидеть друг друга, и руки не затем, чтобы мы могли задушить друг друга, но чтобы мы могли помочь друг другу вынести ношу изнуряющей и мимолётной жизни; чтобы мелкие различия в одежде, укрывающей наши слабые тела, в наших неполноценных языках, в наших нелепых обычаях, во всех наших несовершенных законах, во всех наших бессмысленных точках зрения, во всех наших социальных классах, которые так различны в наших глазах и так похожи в Твоих, чтобы все тонкие оттенки, которые различают мельчайшие частицы под названием «люди» не стали причинами для ненависти и гонения». В этих древних и современных молитвах посредством Христианской Церкви смутно прослеживается намёк на обычную молитву.

Во всех этих примерах этическая просьба составлена определённым образом: мудрый человек молится о моральных ценностях, обрисованных более или менее чётко. Но часто молитва формулируется в абстрактном и общем виде, соотносящимся с отсутствием чётко выраженных мотивов для молитвы. Общая форма молитвы прослеживается уже у первобытных людей; но в то время, как они молятся о «счастье» и «божественном покровительстве», философ молится о «благом»; в старину молитва носила материалистический, позже – чисто этический характер; так, Пифагор говорил, что мы должны молиться только о благом и предостерегал от подробного перечисления конкретных желаний. Сократ молил богов только о том, чтобы они «послали любое благо, так как они лучше всех знают, что является благом».

Завещание всех личных желаний Богу ведёт к той форме философской молитвы, которая достигает своей высшей ступени в стоицизме: выражение полнейшего отсутствия желаний, абсолютного безразличия, безропотного отдавания себя в руки Судьбы.

Мудрый человек молится, но не просит; он даже не молит об обладании моральными благами; он только признаёт свою абсолютную зависимость, отвергает свои собственные волю и желание и готов к любой судьбе, жизни или смерти, счастьем или несчастьем, славе или позору без сопротивления или возражений. «Веди меня, Зевс, – взывает Клеанф, – и ты, о могущественная Судьба, где бы я ни получал от тебя указания. Я следую без колебаний, и даже если я по глупости своей не желаю, всё равно должен следовать». Сенека перевёл эту молитву на латынь. Он также сохранил для нас торжественное отречение Деметриуса, в котором он передаёт богам тело и душу, имущество и детей. «Заберёте вы моих детей? От

вас получил я их. Заберёте вы часть моего тела? Забирайте, я не отдаю ничего особенного, ибо скоро я должен буду оставить всё моё тело. Заберёте вы мою душу? Почему должен я мешать вам забрать то, что вы же мне и дали?»

Замечательным духом отважной свободы и решимости дышит молитва, которую Эпиктет рекомендует своим последователям: «Подними голову свою, как человек, освободившийся из рабства, и осмелся посмотреть на Небеса и сказать: «Используй меня далее для чего Ты пожелаешь. Я мыслю с Тобой одинаково, я Твой. Я не жалуясь на твои решения, веди меня, куда Ты ни пожелаешь, одень меня в те одежды, что Ты желаешь. Пожелай ты, чтоб я находился в государственном учреждении или в домашней обстановке, чтобы я остался здесь или убежал, чтобы я был богатым или бедным – за всё это я буду защищать Тебя перед людьми: я открою, что являет собой природа каждого явления».

Стоический идеал молитвы, который является совершенной передачей человеческой воли божеству, преклонением перед непреложными решениями судьбы, также высоко ценился деятелями французского Просвещения. Руссо верил, что «самая совершенная молитва заключается в полном смирении перед решениями воли Божьей. Не что желаю я, но что желаешь Ты. Да будет воля Твоя! Всякая другая молитва чрезмерна и противоречит этой». Дидро восклицает в конце своих «Мыслей об объяснении природы»: «Боже, я не прошу Тебя ни о чём, потому что, если Тебя нет, то ход развития природы вызван силой внутренних обстоятельств, если же ты есть – это Твоё повеление». Вольтер молился: «Господь всех миров и всех созданий, единственная подобающая Тебе молитва – это послушание, потому что зачем молиться Тому, кто предопределил все вещи, предвидел все вещи и соединил все вещи в одну цепь с самого начала?» Вследствие этого молитвы Вольтера были обусловлены, отягощены безусловным признанием непреложных предписаний Бога.

В выражении смирения и покорности стоический идеал молитвы находит точку соприкосновения с мистическо-религиозной молитвой. «Suscipe» Лойолы, многие молитвы Ф. Кемпийского, Св. Терезы и Мадам Гюйон согласны вербально с молитвами Диметриуса и Эпиктета. Слова Эпиктета «Делай со мной, что пожелаешь, Твоя воля – и моя воля, я Твой» повторяются мистиками бесчисленное количество раз. И, тем не менее, за теми же самыми словами находятся фундаментально разные душевные желания. Несмотря на всю свою торжественность, и возвышенность, и глубокую нравственную серьёзность, в стоических молитвах обнаруживается определённая холодность и безличность. Им не хватает той теплоты и сосредоточения на внутреннем мире, того восхищения, которое свойственно молитвам христианских, суфийских и индусских мистиков. Молитва стоиков и иллюминатов – просто этический идеал; молитва же мистиков возникает из глубин религиозного опыта. Смирение стоиков – плод непоколебимого нравственного намерения, которое с мужеством и решимостью склоняется перед неминуемой судьбой, в то время как покорность мистиков коренится в абсолютной передаче себя Высшему Благу в любви к Богу. <...>

Другая форма мистической молитвы и медитации, на которую намекается в философском идеале молитвы – это священное созерцание, поклонение и восхваление божественного величия и славы, находящихся во всех вещах, больших и малых. Эпиктет говорит: «Какого слова достаточно, чтобы восхвалить и прославить труды Провидения? Было у нас озарение – могли ли мы делать ещё что-либо, кроме как сообщая и поодиночке превозносить Бога, и прославлять Его, и возблагодарить Его? ... Если бы я был соловьём, я бы пел, как соловей.

Если бы я был лебедем, я бы пел, как лебедь. Но я существо, одарённое разумом, поэтому я должен возносить хвалу Богу. Это моя задача, я её выполняю, и не откажусь от этого своего поста до тех пор, пока буду получать приказы; и я прошу тебя присоединиться ко мне в этой хвалебной песни». Кажется, даже Кант испытал что-то вроде чудесной силы молчаливого мистического созерцания. В своих критических рассмотрениях молитвы он пишет: «Божественное создание, его глубокая мудрость в малейших вещах и его величие в вещах великих созерцались человеком с незапамятных времён, но в современное время его чудеса увеличились многократно. Он не только обладает силой приводить разум в настроение, уничтожающее человека в его собственных глазах, но и облагораживает его душу таким ощущением собственной судьбы, что слова, даже таких царственных мужей, как Давид, превращаются в ничто, потому что чувство, вызванное таким видом дел Божьих, невыразимо».

Схожесть философского восхищения и мистического созерцания несомненно. Есть, конечно, огромная разница в силе чувства: у философа – торжественное настроение, умиротворённое чувство возвышения; у мистика – благословенное возбуждение, волнующий восторг, который в экстазе перерастает в исчезновение самосознания; у одного – чувство бесконечного расстояния между ним и Богом, у второго – блаженное единство, пребывая с Ним в любви.

Таким образом, содержание философской молитвы включает три части: просьбу о моральном благополучии, покорность судьбе, преклонение перед божественным величием – несомненно, возвышенным и совершенным, и порождённым духом, одновременно таинственным и непорочным. И, в конце концов, для философа молитва не является такой же необходимостью, как для религиозного человека, который не может без неё жить: она является чем-то, без чего можно обойтись. Нравственный идеал может быть претворён в жизнь без упрощения о помощи милости Господней. Сенека говорит: «Как глупо молиться о здравом духе, ведь ты можешь добыть его себе сам!». Максим Тирский и Климент Александрийский делают акцент на той идее, что мудрый человек, молящийся о нравственном благе, получает их не с помощью Божьей благодати, а своими усердными усилиями. Также как и Руссо, который говорит: «Меняет не Бог, а меняем мы себя сами, возвышая себя до Него. О чём бы мы ни просили его, как следует, - мы даруем сами себе». В благопристойном философе живёт непоколебимая вера в природную нравственную силу человека, в то время как благороднейшие из религиозных течений проникнуты глубоким чувством моральной беспомощности человека. Акцент делается не на молитву о благах, а исключительно на нравственный характер и нравственное действие. Как говорит Сенека: «Тот, кто подражает богам, в достаточной степени их восхваляет». «Если мы исполняем свой долг перед Богом, если мы поклоняемся Ему, если мы праведны – это наша истинная молитва и хвала», - так пишет Вольтер. Гюйо, красноречивый поборник этико-социальной религии будущего, утверждает, что, если любовь является неотъемлемой частью истинной молитвы, губы не должны о ней только говорить, сердце и руки должны её творить, и это, как следует, - замена нравственному действию для молитвы. Нравственное деяние – самая бескорыстная, самая божественная и самая человеческая из молитв. Таким образом, настоящая молитва – молитва не о достижении совершенства, а о воле творить добро. Эта истинная молитва не связана ни с какими обстоятельствами, ни с какими настроениями, ни с каким обращением к Богу; эта молитва беспрепятственна. Кант пишет в «Религии в пределах

только разума»: «Искреннее желание угодить Богу каждым своим действием, которое выражается в желании совершать все наши дела так, как если бы они делались из услуги Богу, - это и есть дух молитвы, который беспрестанно может и должен быть в нас». Проницательный ум Канта раскрыл смысл идеала молитвы в философской этике. Когда бы молитва ни переносилась во внутреннее нравственное распоряжение, настоящая молитва, являющаяся обращением души к Богу, просьбой о нравственной силе и словами безропотного духа, становится не чем иным, как простым приёмом этической тренировки. Молитва, таким образом, становится обнажённой от её религиозного характера, лишённой своей независимой ценности. «Дух молитвы» перестаёт быть молитвой и становится простым нравственным заменителем.